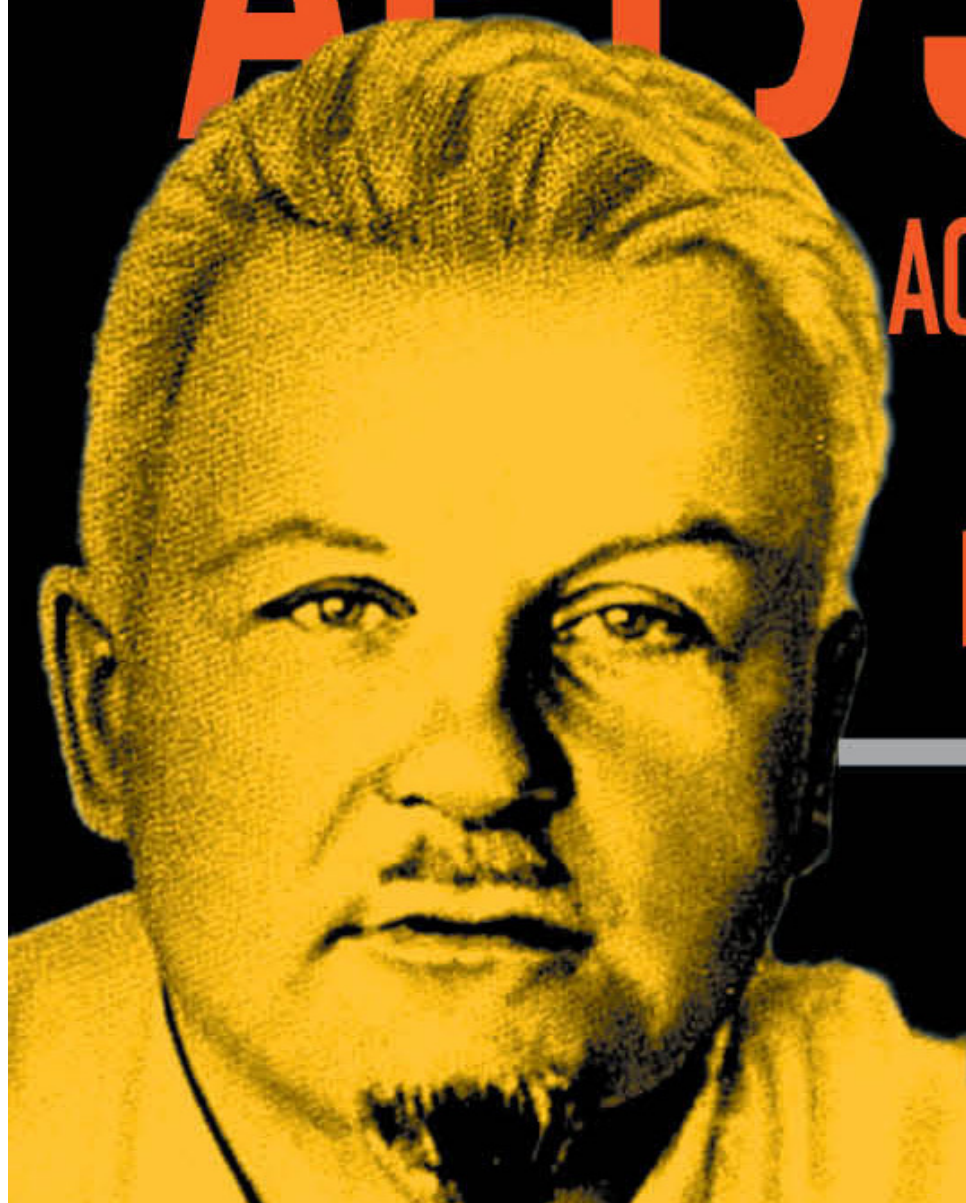

ГРОССМЕЙСТЕРЫ
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

АРТУР АРТУЗОВ

АС РАЗВЕДКИ
И КОНТР-
ШПИОНАЖА

ЮРИЙ
ЛЕНЧЕВСКИЙ

Гроссмейстеры тайной войны

Юрий Ленчевский

**Артур Артузов – отец
советской контрразведки**

«Алисторус»

2017

УДК 338
ББК 65.9

Ленчевский Ю. С.

Артур Артузов – отец советской контрразведки /
Ю. С. Ленчевский — «Алисторус», 2017 — (Гроссмейстеры
тайной войны)

ISBN 978-5-906914-84-2

Новая книга военного историка Ю. С. Ленчевского повествует об одном из умнейших и опытнейших профессионалов контрразведки периода становления молодого российского государства – Артуре Христиановиче Артузове (Фраучи). Благодаря его работе прекратило существование движение Бориса Савинкова, была поставлена точка в карьере супершпиона Сиднея Рейли (Соломона Розенблюма), был захвачен атаман Борис Анненков. При непосредственном участии отца советской контрразведки были разработаны и проведены легендарные операции «Трест», «Синдикат-2», «Синдикат-4», «Тарантелла» и др. При Артузове разведка обзавелась большим и разветвленным аппаратом за границей. Именно этот период истории отечественных спецслужб называют «эпохой великих нелегалов». Под руководством Артузова работали такие знаменитые разведчики, как Шандор Радо, Рихард Зорге, Теодор Малли, Георгий Косенко, Борис Гудзь, Дмитрий Быстролетов. В книге рассказывается не только об удачах, но и о провалах советской разведки, это хроника не только успехов, но и ошибок А. Х. Артузова, расстрелянного в 1937 году и реабилитированного в 1956 году.

УДК 338
ББК 65.9

ISBN 978-5-906914-84-2

© Ленчевский Ю. С., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Начало	6
Глава 1. Соратник Дзержинского Михаил Кедров	6
Глава 2. Вехи жизни	13
Глава 3. Менжинский и Артузов	17
Глава 4. Беспощадная борьба с контрреволюцией	22
В борьбе с врагами молодого государства	30
Глава 5. Документы ВЧК	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юрий Ленчевский

Артур Артузов – отец советской контрразведки

Начало

Глава 1. Соратник Дзержинского Михаил Кедров

В июле 1918 года СНК РСФСР образовал чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте во главе с видным чекистом, участником трех революций М. Лацисом. Позднее фронтовые и армейские чекистские органы были созданы и на других фронтах. Армейские чрезвычайные комиссии выявляли и обезвреживали вражеских лазутчиков, паникеров и провокаторов, очищали тыл от вражеских элементов. Их деятельность положительно сказалась на боеспособности Красной армии.

Накопленный к осени 1918 года опыт контрразведывательной работы в армии показал, что невозможно отделить шпионаж империалистических разведок от подрывной деятельности внутренней контрреволюции, поскольку они явно смыкались между собой. К этому времени стало очевидным, что существование нескольких органов, боровшихся с контрреволюцией и шпионажем в армии и на фронте, вело к распылению сил, порождало ненужные межведомственные трения. Необходимо было сосредоточить эти функции в одном органе, который отвечал бы за состояние контрразведывательной работы в Вооруженных силах республики.

19 декабря 1918 года при участии В. И. Ленина было принято решение о слиянии фронтовых чрезвычайных комиссий и аппаратов Военного контроля Реввоенсовета. Созданный единый орган – Особый отдел Республики – возглавил профессиональный революционер, организатор боевых дружин, соратник Ф. Дзержинского М. Кедров.

Этот день и считается днем рождения органов военной контрразведки¹.

Из протокола заседания бюро ЦК РКП(б) об объединении деятельности ВЧК и военного контроля 19 декабря 1918 года:

«...Заведующим военным контролем назначить тов. Кедрова, если не встретится возражений со стороны Реввоенсовета...».

Развертывание военных действий на фронтах Гражданской войны потребовало создания фронтовых и армейских чрезвычайных комиссий. Для их руководства 29 июля 1918 года при отделе по борьбе с контрреволюцией ВЧК был создан военный отдел. В соответствии с указанием советского правительства 13 декабря 1918 года вместо фронтовых и армейских чрезвычайных комиссий были образованы особые отделы, задача которых состояла в том, чтобы вести борьбу со шпионажем и контрреволюцией в частях и учреждениях Красной армии на территории всей страны.

21 февраля 1919 года ВЦИК утвердил «Положение об особых отделах при ВЧК». Борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии возлагалась на Особый отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии. Особый отдел вместе с тем непосредственно под контролем Революционного военного совета Республики выполняет его задания. Общее руководство вышеуказанной борьбой возлагается на ВЧК, которая через свой особый отдел руководит работой местных особых отделов, контролирует их деятельность и организует и руководит работой агентуры за

---

¹ См.: Ленчевский Ю. С. В невидимых поединках «скрециваются шпаги» // «Граница России», № 47, 2013.

границей, и в оккупированных иностранными державами, и занятых белогвардейцами областях. Органами, ведающими активной борьбой с контрреволюцией и шпионажем в армии и в тылу, являются особые отделы при губернских ЧК, фронтовые и армейские, которые непосредственно подчинены Особому отделу при ВЧК. Фронтовые и армейские особые отделы вместе с тем непосредственно выполняют все задания Реввоенсовета Республики, фронтов, армий, а особые отделы губернских ЧК – местных военных комиссариатов. Особым отделам предоставляется право ведения следствия и всех связанных с ним действий, как-то: обысков, выемок и арестов, кои производятся по соответствующим ордерам особого отдела или по ордерам Всероссийской или губернских чрезвычайных комиссий.

Военным отделом ВЧК, а затем ее особым отделом руководил Михаил Сергеевич Кедров. Выходец из богатой семьи видного московского нотариуса, потомственного дворянина, Михаил Кедров с юношеских лет встал на путь революционной борьбы.

В 1899 году за участие в студенческих волнениях Кедров был исключен из Московского университета. И дальше его жизнь стала жизнью революционера. Он неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского правительства, трижды сидел в тюрьмах, состоял под особым надзором полиции, находился в административной ссылке в Вологодской губернии. Кедров – бакалавр медицинского факультета Лозанского университета, ученик знаменитого европейского кардиолога Кроникера, человек, свободно владеющий несколькими европейскими языками, талантливый музыкант. Он же – профессиональный революционер, организатор боевых дружин, издатель нелегальной литературы. Он стал народным комиссаром, командующим Северным фронтом.

В нашей литературе почти нет экскурса в историю событий тех далеких дней, что происходили на Севере. А ведь тогда весь российский Север стонал под пятой интервентов. К осени 1918 года интервенты довели численность своих войск на Севере до 30 тысяч человек и продолжали расширять зону оккупации. В состав оккупационной армии входили англичане, американцы, французы, итальянцы, канадцы, поляки, австралийцы, сербы, финны, шотландцы, даже отряды добровольцев из нейтральной Дании и Швеции. Эти «освободители от большевизма» занялись циничным грабежом. Во всей оккупированной зоне интервенты установили практически колониальный режим и начали вывозить богатства Севера. Пароходы с награбленными грузами отправлялись не только из Архангельска и Мурманска, но и из Кеми, Сорок, Онеги, Кандалакши и Мезени.

Один из руководителей контрреволюции на Севере России генерал-губернатор Северной области, главнокомандующий войсками Северного правительства генерал-лейтенант Евгений Миллер не ушел от возмездия. В эмиграции он активно боролся против Советской страны. Однако 22 сентября 1937 года в дневное время в Париже Миллер был похищен чекистами. Затем доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД как заключенный № 110 – Иванов Петр Васильевич. Был приговорен к расстрелу. 11 мая 1939 года в 23 часа 5 минут приговор привели в исполнение.

Осенним днем 1918 года Кедров был принят Дзержинским. Они знали друг друга еще со времен эмиграции. Незадолго до этой встречи они совместно разрабатывали меры борьбы с подрывными действиями контрреволюционного офицерства и другими противниками советской власти на Севере республики во время отражения иностранного вооруженного вторжения. Теперь же в связи с переводом ряда работников военного ведомства на чекистскую работу эта встреча с Дзержинским приобретала иной характер.

– Для нас очень ценен ваш личный опыт в формировании частей Красной армии и укреплении их боеспособности на Северном фронте, – заговорил с Кедровым Дзержинский. – В ВЧК создается новое подразделение – военный отдел, призванный взять на себя руководство деятельностью фронтовых и армейских ЧК, возглавить эту работу в масштабе страны. Есть предложение поручить руководство Военным отделом ВЧК вам.

– Это, честно говоря, для меня неожиданно. Но на раздумье, как я понимаю, времени нет. Я согласен. Буду просить помощи на первое время у коллектива чекистов, – ответил Кедров.

Так началась работа Михаила Сергеевича Кедрова в чекистских органах.

К тому времени борьбой со шпионажем против Красной армии занималось военное ведомство. Военные специалисты из Всеросглавштаба и его регистрационного управления вопросы борьбы с иностранным военным шпионажем пытались решать по устоявшимся схемам контрразведки царской армии. В мае 1918 года в Красной армии была создана специальная служба военного контроля. В ее системе были развернуты довольно многочисленные подразделения как в центральном аппарате военного ведомства, так и во фронтовом и армейском звеньях. Эти подразделения возглавляли, как правило, коммунисты, но привлекались в качестве специалистов и сотрудники старой контрразведки. Органы военконтроля в ряде случаев успешно боролись с военным шпионажем. Вместе с тем проникшие в них под видом специалистов противники советской власти превращали отдельные подразделения военконтроля в очаги контрреволюции. Осенью 1918 года в Вологодском отделе военконтроля была раскрыта тайная белогвардейская организация, которая занималась шпионажем в пользу англичан, вербовкой и переброской в Архангельск бывших офицеров для пополнения белогвардейских отрядов.

Кедрова волновала и такая проблема, как подотчетность подразделений военконтроля. Они существовали при соответствующих штабах и подчинялись командованию и начальнику штаба.

Военный отдел ВЧК, руководство которым было поручено Кедрову, фактически еще не существовал. В условиях обострившейся критики деятельности ВЧК и местных ЧК, развернувшейся в тот период на страницах печати, среди некоторой части партийных и советских работников и командно-политического состава в центральных учреждениях Красной армии, разобраться в чекистской работе по военной линии было непросто.

Кедров понимал, что левацкие заявления некоторых ответственных работников о необходимости упразднения ВЧК не только глубоко ошибочны, но и крайне опасны, так как играют на руку врагам.

Кедров был достаточно информирован о том, что разведки Англии, Франции и США, опираясь на внутреннюю контрреволюцию, развертывали против Советской России интенсивную разведывательно-подрывную работу, одним из главных объектов которой была молодая Красная армия.

Комплектование Военного отдела ВЧК проходило не без трудностей. Сказывалась нехватка надежных и опытных кадров. Получил назначение в этот отдел и А. Х. Артузов, инженер-металлург по образованию. Он не без основания считал себя учеником Кедрова. Был знаком с ним с гимназической поры, под его личным влиянием пришел в революцию. Он возглавлял особое бюро при Московском окружном военном комиссариате. Это чекистское подразделение участвовало в проверке бывших офицеров до зачисления их на службу в части и учреждения Красной армии. Во второй половине декабря 1918 года в Военном отделе ВЧК было создано военно-регистрационное бюро, которое приступило к регистрации бывших офицеров.

Деятельность ЧК на фронтах и в армиях встречала подчас возражения со стороны комиссаров, создававшихся в тот период армейских политических органов. В таком реагировании сказывались в определенной мере последствия и отзвуки необъективных суждений о чекистской работе в ходе дискуссии о ВЧК. Так, деятельности Кедрова противостояли с одной стороны враги, а с другой – свои.

В первый период своего руководства Особым отделом ВЧК Кедрову пришлось столкнуться с открытым саботажем медицинских работников. В начале 1919 года по всей стране была объявлена мобилизация медицинского персонала для отправки на фронт. Эту мобилиза-

цию некоторые медицинские работники встретили в штыки. Под разными предлогами они не являлись на медкомиссии для освидетельствования или предъявляли «документы», освобождающие от призыва в армию за «непригодностью». Такой «документ» в те времена нетрудно было купить на Сухаревском рынке. В середине мая 1919 года группа работников Особого отдела ВЧК во главе с М. С. Кедровым была направлена в Петроград, с заданием обезвредить силы внутренней контрреволюции, связанной с иностранными миссиями. Незадолго до этого были подавлены восстания на фортах Серая Лошадь и Красная Горка. Для проведения этих операций Кедров имел мандат от Дзержинского, дававший ему широкие полномочия. В состав группы входили работники следственного органа Особого отдела ВЧК Владимир Дмитриевич Фельдман, Иоган Фридрихович (Иван Федорович) Тубала, старший сын Кедрова Игорь Михайлович и несколько латышских стрелков. Позднее в Петроград приехал заместитель Кедрова по особому отделу Иван Павлович Павлуновский. Вся работа группы осуществлялась через Петроградскую ЧК, которую возглавлял тогда Филипп Демьянович Медведь (все вышеуказанные чекисты в конце тридцатых были расстреляны).

М. С. Кедров разработал остроумный и весьма эффективный план вылавливания Петроградских контрреволюционеров. Идея плана основывалась на том, что многие иностранные посольства и миссии в Петрограде превратились в своеобразные центры контрреволюции. Для врагов советской власти они стали местом явок. Здесь они получали оружие и продовольствие, информацию. По всему городу одновременно были произведены массовые обыски в буржуазных кварталах, в пустующих зданиях, подвалах и на чердаках. Операция была неожиданной для контрреволюционных заговорщиков, и это способствовало ее успеху. Иностранные посольства и миссии в обычных условиях пользуются правом экстерриториальности. Но в данном случае иностранные послы и консулы столь грубо попирали все нормы международного права, так нагло и открыто вмешивались во внутренние дела нашей страны, что выход оставался единственный. Решено было одновременно занять все без исключения иностранные миссии и посольства и устроить там засады, задерживая всех проходящих. Расчет оказался правильным. За несколько суток удалось захватить большое количество бывших офицеров, членов знатных фамилий и других лиц, участвовавших в подготовке контрреволюционного выступления в Петрограде.

Кедров сам участвовал в организации засад, а затем и в допросе арестованных. При этом Михаил Сергеевич строго следил за тем, чтобы в отношении кого бы то ни было не допускались грубость и насилие. Сам Кедров по отношению к арестованным держался очень корректно.

– Моя группа стала производить обыск в доме номер четыре по Строгановской улице, в особняке швейцарской миссии, – вспоминал впоследствии Кедров. – В кладовках у «нейтральных» швейцарцев оказалось шестьдесят девять револьверов разных систем, один маузер, четыре охотничьих ружья, много опечатанных в ящиках патронов и снаряженных обойм...

Группа Кедрова уже в другом месте обнаружила замурованные в подвале двести с лишним ящиков и сейфов с серебряными изделиями фирмы Фаберже и несметное количество часов разных марок, сданных на хранение питерскими капиталистами.

– Оружие и боеприпасы пошли на дело обороны. То, что принадлежит местным коммерсантам, передадим Госбанку, а все остальное – на усмотрение Народного комиссариата иностранных дел, – говорил Кедров.

Проверка задержанных во время обысков, расследование дел участников офицерской заговорщической организации в Кронштадте дали массу ценных данных о подрывной работе контрреволюционеров на Петроградском фронте, что способствовало последующему разоблачению Петроградского отделения монархической организации «Национальный центр».

Чекисты ликвидировали ряд вражеских гнезд. Во ходе обысков было изъято 6625 винтовок, 644 револьвера, станковые пулеметы, более 140 тысяч патронов, ручные гранаты, взрывчатка. Вражеский замысел взорвать Петроградскую оборону изнутри провалился.

Обстановка в те напряженные дни 1919 года и тактика вражеских шпионов требовали усиления контроля за передвижением в прифронтовой зоне. На это М. С. Кедров обращал особое внимание военных чекистов. Проверка подозрительных лиц, а при необходимости и их обыск давали положительные результаты. В середине июня недалеко от Луги близ линии фронта красноармейский наряд попытался задержать неизвестного в военной форме, который пробирался в сторону противника. Тот, отстреливаясь, бросился бежать. Однако был поражен метким выстрелом. У убитого обнаружили документы на имя Александра Никитенко и пачку дорогих папирос. При их тщательном осмотре в одном из мундштуков была найдена записка с зашифрованными шпионскими сведениями, адресованными одному из сподвижников Юденича, белогвардейскому генералу Родзянко. Записка имела подпись «Вик». Через несколько дней близ линии фронта были задержаны двое, пытавшихся нелегально пробраться в Финляндию. У них нашли шпионские донесения с подписью «Вик».

Кедров лично руководил розыском «Вика». И они увенчались успехом. Им оказался крупный деятель кадетской партии, бывший член Городской Думы, глава патентной фирмы «Фосс и Штейнингер» Вильгельм Иванович Штейнингер. Являясь членом руководства Петроградского отделения контрреволюционного «Национального центра», он направлял действия заговорщиков, при этом ловко заметал свои следы. В засаду, оставленную на квартире Штейнингера, вскоре попался бывший генерал Махов. При допросе 30 июля Штейнингер показал: «...генерал Махов Михаил Михайлович – представитель Юденича». Кроме того, Штейнингер выдал и ряд других лиц, что дало возможность и дальше разматывать клубок шпионских организаций.

В шифровальном письме от 14 июля 1919 года Штейнингера имелись указания на существование белогвардейской организации в Москве. Произведенные в Москве обыски и аресты обнаружили существование двух организаций белогвардейцев: политической, возглавлявшейся кадетами, и военно-технической, вербовавшей своих сторонников из старого офицерства. Весомые результаты дал обыск, произведенный у известного московского кадета, бывшего члена Государственной Думы III и IV созывов, крупного домовладельца Н. Н. Шепкина, у которого на дворе в деревянной стене в жестяной коробке были найдены собственноручное донесение Деникину о дислокации наших войск, шифры, различные удостоверения.

Большое внимание Михаил Сергеевич Кедров уделял укреплению кадрового состава особых отделов. Не заслуживающие доверия лица отсеивались.

27 марта 1919 года на заседании СНК М. С. Кедров был утвержден членом комиссии Народного комиссариата внутренних дел. Таким образом, на Кедрова была возложена вся полнота ответственности за положение дел в особых отделах.

Михаил Сергеевич был обаятельным человеком. Простой и скромный, он все время ходил в гимнастерке и сапогах. Никогда не кичился своими заслугами. Так говорили о нем те, кто работал с ним в двадцатые годы. За честность, прямоту и удивительное трудолюбие Кедрова очень уважал и любил Дзержинский. Не имея собственной жилой площади в Москве, Михаил Сергеевич скитался по городским гостиницам. И когда он обратился к Дзержинскому за помощью, Феликс Эдмундович написал записку: «Дать тов. Кедрову квартиру. Она ему нужна не столько для проживания, сколько для работы».

М. С. Кедров с первых шагов деятельности особых отделов отводит подобающее место правовым вопросам. Он стремится к максимально возможному в условиях Гражданской войны использованию права для борьбы с контрреволюционным подпольем и шпионажем. Ему всегда было чуждо сухое, бездушное, формальное отношение к делу, каким бы оно ни являлось. Везде он искал новых путей, новых интересных форм работы, отдавая ей свой блестящий организаторский талант, ум и горение. Работу чекиста, беспощадного к врагам, Михаил Сергеевич удивительно умел сочетать с решением высокочеловеческих задач борьбы за жизнь и счастье людей, ради чего он не щадил самого себя. За борьбу с контрреволюцией Кедрову было при-

своею звание Почетного чекиста и выдан ценный подарок – рояль лучшей марки, на котором он играл многие годы. Деятельность Кедрова за годы Гражданской войны была высоко оценена советской властью. В декабре 1927 года он награжден орденом Красного Знамени.

Кедров сумел, преодолевая противоречивые мнения военных авторитетов, выбрать и предложить Ф. Э. Дзержинскому, коллегии ВЧК единственно правильное решение в организации военной контрразведки Красной армии. Немногим более полугода возглавлял он советскую военную контрразведку, но за это короткое время она превратилась в четко функционирующий боевой орган. В успешном выполнении задач ограждения Красной армии и флота от происков контрреволюции и иностранных шпионов в годы Гражданской войны, которое обеспечивали особые отделы, есть несомненная заслуга их первого руководителя.

В 1921–1922 годах М. С. Кедров выполнял поручения Совета Труда и Оборона, а также ГПУ – ОГПУ на Южном Каспии, в Закавказье и на Нижней Волге. Знакомая с работой Азербайджанской ЧК, председателем которой был Багиров, а его заместителем – Берия, Кедров обнаружил грубейшие нарушения революционной законности и произвол со стороны Берии. Принципиально оценив конкретные факты, Кедров решил сообщить о них специальным письмом на имя Ф. Э. Дзержинского в Москву. В письме указывалось, что Берия арестовывал и привлекал к уголовной ответственности невиновных людей по явно непроверенным, а иногда и сфальсифицированным материалам и в то же время необоснованно прекращал уголовные дела на лиц, в отношении которых имелись неопровержимые доказательства их враждебной деятельности против советской власти. Михаил Сергеевич просил Ф. Э. Дзержинского рассмотреть вопрос об отстранении Берии от работы в чекистских органах как человека, не заслуживающего, по его мнению, политического доверия. Письмо Кедров вручил сыну и просил передать в Москву Дзержинскому. Тот привез письмо в Москву, отдал в ЧК, но по неизвестным причинам оно не попало к Ф. Э. Дзержинскому, и Берия остался на ответственной работе.

Во время пребывания на Кавказе Кедров активно участвовал в работе местных партийных и советских органов, в укреплении их проверенными кадрами. Он был избран членом Бакинского Совета.

У М. С. Кедрова большой послужной путь. Он работал в ВСНХ и Наркомате здравоохранения, был младшим помощником прокурора Отдельной военной прокуратуры Верховного суда СССР, трудился в Госплане РСФСР. С 1936 года начинает работу в Научно-исследовательском институте нейрохирургии Наркомздрава СССР.

Жизненный путь Кедрова оборвался трагически. В апреле 1939 года он был арестован, содержался во внутренней тюрьме НКВД. На суде 9 июля 1939 года оправдан Верховным судом СССР – редкий случай в то время. Несмотря на это, люди Берии не выполнили указание суда о немедленном освобождении.

В октябре 1941 года Берия отдал письменное распоряжение о расстреле без суда 25 арестованных по списку, составленному Меркуловым и Кобуловым. В этот список был включен и Кедров. В октябре 1941 года был расстрелян. Берия опасался его разоблачений. Он знал об отношении Кедрова к нему. И еще не без оснований боялся того, что Кедрову известно его участие в контрразведке муссаватистского правительства Азербайджана.

На суде по делу Берии в период с 18 по 23 декабря 1953 года объяснение во враждебной деятельности он признал полностью. «Я уже показал суду, в чем я признаю себя виновным. Я долго скрывал свою службу в муссаватистской контрреволюционной разведке. Однако я заявляю, что, даже находясь на службе там, не совершил ничего вредного», – говорил Берия в последнем слове на суде.

Судьба сыновей Михаила Сергеевича сложилась по-разному. Один умер от тифа в первые годы советской власти, второй, Игорь, с 1930 года служил в органах госбезопасности. До 1937 года – оперуполномоченный иностранного отдела Главного управления госбезопасности, затем помощник начальника и начальник отделения ИНО ГУГБ НКВД СССР. Старший лейтенант

госбезопасности. В ноябре 1938 года откомандирован на работу в Усольский ИТЛ НКВД. В 1939 году уволен из органов НКВД и расстрелян.

В 1954 году М. С. Кедров и его сын Игорь были реабилитированы. Третий сын, Бонифатий, 1903 года рождения, стал заметным ученым. Академик Бонифатий Михайлович Кедров возглавлял Институт истории естествознания и техники АН СССР. В 1985 году Бонифатий Михайлович скончался. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище².

---

² См.: Ленчевский Ю. С. Из архива госбезопасности. Соратник Дзержинского // «Граница России», № 22–23, 2003.

Глава 2. Вехи жизни

Артур Христианович Артузов родился 17 февраля 1892³ года в селе Устиново, ныне Кашинского района Тверской области. Выходец из семьи швейцарского итальянца, сыродела, переселившегося в Россию. Семья отца Артура Христиановича Фраучи приехала в Россию в 1881 году и поселилась в имении помещика Попова Апашково Тверской губернии, где работал Петр Фраучи, старший брат Христиана, прибывший в эти края двумя годами раньше. Вскоре семья покинула обжитую усадьбу и переехала на новое место.

Христиан Петрович часто перебирался из одной усадьбы в другую – в жизни юного Артура переездов было немало. Эти перемещения семьи зависели от того, в какой степени владелец или управляющий нуждался в услугах лучшего в губернии мастера-сыровара. Живя в имении Николаевка, сыровар Христиан Фраучи женился на Августе Дидрихиль, в жилах которой была кровь латышская и эстонская. Один из ее дедов был шотландцем. Молодая семья поселилась в имении Устиново Кашинского уезда Тверской губернии.

Что можно сказать о Кашине?

Захолустный Кашин в летописи упоминается с 1238 года. В нем в большом количестве производились белила. Кашинские белила продавались по всей Европе. А еще были в нем целебные источники. По легенде, когда Тверской князь Михаил Ярославович пал на чужбине от рук врагов, княгиня Анна, получив печальную весть, стала его горько оплакивать. Там, куда падали ее слезы, земля разверзлась и начали бить целебные ключи, а в 1884 году в Кашине на этих источниках открылась лечебница.

Здесь 17 февраля 1892 года и родился первенец. Его назвали Артуром Евгением Леонардом. Затем родились еще три дочери и два сына. В России вторые и третьи имена не были приняты, поэтому впоследствии они сами собой отпали.

Артур рос хорошим ребенком, прежде всего потому, что первым его воспитателем и наставником стал человек высоких моральных качеств – его мать Августа Августовна Фраучи. Именно она сформировала характер мальчика. Жить без фальши... К этому он был приучен. Сестра Артура Вера Христиановна вспоминала:

«Зерно образа человека закладывается еще в детстве. В этом отношении мой брат Артур не исключение.

В нашей семье главным авторитетом была мама. Мы никогда не видели ее усталой, хоть и несла она самую тяжелую ношу. На ее красивом, приветливом лице мы, дети, всегда видели ласковое, любящее выражение.

Если отец, молчаливый и вечно чем-то озабоченный, не часто находил для нас теплое слово, то мать была снисходительна и добра. (...)

Когда Артур сделался постарше, мать руководила его чтением. Тут она предстала перед ним и нами как мечтательница. Она не представляла свою жизнь без книги и называла ее своей второй землей...

Артур окончил новгородскую гимназию с золотой медалью. Мама ликовала. Мы все нашли свое место в жизни. Я стала литературным работником, младший брат Виктор – профессором медицины».

Еще в детстве Артур овладел французским и немецким языками; будучи взрослым, самостоятельно выучил английский. В гимназические годы увлекался поэзией, любил Блока, Брюсова, Ахматову, пробовал сочинять сам.

---

³ В различных источниках называются также даты: 16,17,18 февраля 1889,1891 и 1892 гг. – Прим. ред.

Артур, по словам сестры, был любимцем мамы: это можно было определить по тому, с какой нежностью она смотрела на него. Безусловно, ее влияние на Артура, как и на других детей, оставило свой след.

У матери Артура было всего четыре класса образования. В свое время она жила в Вологде, где младшие сестры учились в гимназии, а она, как старшая, опекала их. В Вологде жило тогда много ссыльных революционеров. Сестры водили с ними знакомство, приносили от них книги, в том числе по истории России. Эти книги очень увлекли Августу, от природы пытливую и любознательную. К тому же она обладала отличной памятью и живым воображением...

С радостью ожидал Артур и новых встреч с дядей Мишей и дядей Колей. Для него они были необыкновенно интересными, всегда желанными взрослыми друзьями, людьми загадочными и притягательными. Они привозили с собой необычные книги (особенно Артуру запомнилось дарвиновское «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле "Бигль"» в чтении дяди Миши), говорили с мальчуганом, как с равным, о серьезных вещах. Позднее Артур понял, что дядя Миша и дядя Коля были профессиональными революционерами – большевиками. Как он позднее узнал, Михаил Сергеевич Кедров и Николай Ильич Подвойский и некоторые их друзья приезжали в усадьбу не только для того, чтобы навестить семью Фраучи, но и для того, чтобы укрыться на время от царской охраны.

Так уж вышло, что далекий от политики Христиан Фраучи и русские революционеры Михаил Кедров и Николай Подвойский стали свояками. Они были женаты на родных сестрах – Августе, Ольге и Нине Дидрикиль.

Ольга и Нина были единомышленницами своих мужей. Занималась активной революционной деятельностью и их сестра Мария: долгое время она работала вместе с известным публицистом, будущим председателем ОГПУ Вячеславом Рудольфовичем Менжинским.

Михаил Сергеевич Кедров сыграл в жизни юного Артура Фраучи роль чрезвычайно большую.

Михаил Сергеевич Кедров после смерти отца, осенью 1906 года, получил большое наследство – несколько домов в Москве по 1-му Зачатьевскому переулку близ Остоженки. Он продал эти дома за 100 тысяч рублей золотом и часть денег передал в фонд большевистской партии. На остальные средства в Петербурге Кедров открыл легальное издательство «Зерно». Поскольку над ним по-прежнему висела угроза ареста, он жил в Питере нелегально, по паспорту рогачевского мещанина Михаила Сергеевича Иванова, учащегося курсов стенографии Сапонько на Невском проспекте. Издательство пришлось зарегистрировать на подставное лицо – литератора Б. Б. Веселовского.

Очередные летние каникулы Артура Фраучи провел в Петербурге. Одетый в отглаженную гимназическую форму, он раскатывал на извозчике по данным ему дядей Мишей адресам и развозил пакеты с литературой, которую получал в издательстве на Невском или в типографии «Русская скоропечатня», размещавшейся в доме номер 94 по Екатериновскому каналу.

Вполне естественно, что Артур не только распространял нелегальную литературу, но и читал ее с жадным интересом. На это подталкивали и частые беседы с Кедровым, который не уставал наставлять своего юного соратника:

– Люди перестанут мыслить, когда перестанут читать...

Специалисты находили, что при желании он вполне мог бы стать профессиональным оперным певцом. А пока что студент-политехник успешно исполнял теноровые партии в одиннадцати спектаклях, поставленных актерами-любителями в Народном доме. Через много лет Артур Христианович, уже будучи и начальником одного из ведущих отделов и членом коллегии, охотно выступал на сцене клуба ОГПУ перед сотрудниками, исполнял чаще всего арии Радамеса из «Аиды», Хозе из «Кармен», романсы, в том числе свой любимый «Я не сержусь» на музыку Шуберта, который пел на немецком языке.

Активное участие в нелегальных кружках, другие увлечения не мешали Артуру серьезно овладевать будущей профессией. Звездой первой величины в Политехническом институте заслуженно считался профессор Владимир Ефимович Грум-Гржимайло, крупнейший инженер-металлург России, видный ученый, создатель первой теории печей. Громоподобный – так не без основания называли за глаза профессора – заметил способного студента Фраучи и, когда тот получил диплом инженера, пригласил его в свое знаменитое Metallургическое бюро, находившееся на Большом Сампсониевском проспекте, близ Литейного моста.

Лучшей школы для молодого инженера Фраучи и придумать было нельзя. Здесь генерировались самые прогрессивные технические идеи. За два с небольшим года бюро разработало свыше ста типов различных печей и иного оборудования.

Сослуживцы и сам Громоподобный прочили Артуру Фраучи блестящую карьеру на инженерном поприще. Но в Петрограде началась Февральская революция, едва ли не сама собой, во всяком случае, никакой заслуги в этом российских социал-демократов не было, свалилась с обветшалого и абсолютно недееспособного дома Романовых царская корона. Из ссылок, тюрем, эмиграции стали возвращаться революционеры. Правда, большевикам после июльских событий вновь пришлось перейти на полулегальное, а кому и вовсе на нелегальное положение.

Артур Христианович отыскал в Питере Николая Подвойского, который возглавлял организацию при Петроградском комитете РСДРП(б), и изъявил желание работать с большевиками, с сожалением оставив свою профессию. Впрочем, тогда он верил, что еще вернется к своей мирной, хотя и «горячей», цвета расплавленного металла работе. Увы...

В декабре 1917 года Артур Фраучи вступил в партию большевиков, но по независящим от него причинам партбилет он получил лишь в середине лета 1918 года.

С весны 1917-го после возвращения из эмиграции Кедрова Артур, ранее поддерживавший группу «Единство» Г. В. Плеханова, постепенно переходит к большевикам. В Октябре он работал в Военной организации Петроградского комитета РСДРП(б), выполняя поручения Подвойского. Там он познакомился с будущими своими начальниками – Вячеславом Рудольфовичем Менжинским и Генрихом Григорьевичем Ягодой.

Следующие полтора года (с декабря 17-го до августа 19-го) Артур работал под непосредственным руководством Кедрова. Сперва в Петрограде – секретарем «Комиссариата по демобилизации армии» – (Демоб), тогда же вступил в партию, затем в Москве занимался организацией органов снабжения создаваемой Красной армии, а весной 18-го «уехал с «Ревизией тов. Кедрова» осуществлять Октябрьскую Революцию на нашем Севере. (Арест «Архангельского правительства Городской Думы», ликвидация волнений в разложенном соглашателями флоте (Целед-флот), пере выборы Арх. Совета (прежний состав еще не играл руководящей роли в политике Севера) и прочее.)

Для обследования положения в Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской и Иваново-Вознесенских губерниях, относящихся к русскому Северу, принятия надлежащих мер, в первую очередь разгрузки Архангельского порта, Совнарком решил послать в те края специальную Советскую Ревизию народного комиссара М. С. Кедрова с широкими полномочиями. Соответствующий мандат за подписью Ленина был вручен Кедрову 23 мая. В Ревизию входило сорок сотрудников и команда из тридцати трех латышских стрелков для охраны. Артур Фраучи был назначен секретарем Ревизии.

Артузов участвовал в организации первых отрядов, оказавших сопротивление союзным отрядам на Севере (в Мурманске высадился английский десант, затем французы и американцы, и к началу июля здесь уже находилось до 17 тысяч интервентов, которых поддерживали до 5 тысяч белогвардейцев), был Начальником Подрывной Группы, а затем начальником Головного Ремонтного поезда, позже инспектором Снабжения наших отрядов, пока не была организована Армия (впоследствии шестая)...

Был участником ликвидации ряда предательских действий как отдельных командиров наших частей, так и целых отрядов. Участвовал в ликвидации контрреволюционной организации полковника Куроченко, имевшей целью организацию предательства и измены наших частей в пользу союзников.

Это и было началом чекистской деятельности.

Возвратившись в Москву, организовал при Штабе тов. Муралова разведку в Московских резервных полках для выявления измены спецов и нужд красноармейцев.

Там же, на Севере, Артур Фраучи взял себе фамилию Артузов, под которой работал в дальнейшем, и в августе 18-го первый раз женился – на Лидии Слугиной.

Еще не будучи формально сотрудником ВЧК, Артузов на Севере начинает свою службу в создававшейся с большим трудом советской контрразведке.

В Москве, проработав 2 месяца начальником Военно-осведомительного бюро МВО, на такой же срок становится начальником активной части отдела Военного контроля РВСР (под руководством «дяди Миши» Кедрова), а после передачи военной контрразведки в ВЧК – особоуполномоченным Особого отдела (Управления особого отдела) ВЧК под начальством сперва Кедрова, а затем Дзержинского.

В Особом отделе Артузов работал заведующим оперотделением, начальником 12-го спецотделения, в январе 1921 года становится помощником, а в июле того же года – заместителем начальника Особого отдела ВЧК (как уже отмечалось, с июля 1920 года на этом посту Дзержинского сменил Вячеслав Рудольфович Менжинский). Как писал сам Артур Христианович в автобиографии, «с 1920 года на правах члена Коллегии (по внутричекистским вопросам)» он участвовал в ликвидации и следствии по делам известных контрреволюционных организаций «Национальный центр» и «Тактический центр».

Тогда же в ВЧК объявился знакомец Артузова еще по Петрограду семнадцатого года, причем на достаточно ответственной должности – управляющего делами Особого отдела, – Генрих Ягода.

Ягода приходился троюродным братом Якову Свердлову. В свое время Свердлов дал ему рекомендацию, но лишь на «рядовую работу». Однако, используя колоссальный авторитет умершего весной председателя ЦИК Республики, Ягода достаточно быстро продвигался по карьерной лестнице. Менее чем через год Ягода уже член коллегии ВЧК и управляющий делами ВЧК. (Впоследствии Ягода вторично породнился со Свердловым, женившись на его родной племяннице Иде Авербах. Брат Иды – малоизвестный литературный критик Леопольд Авербах – возглавлял пресловутую РАПП – Российскую ассоциацию пролетарских писателей, нанесшую немалый ущерб развитию советской литературы).

Так уж сложилось в жизни Артузова, что ему довелось служить под началом Генриха Ягоды – Еноха Гершеновича.

Глава 3. Менжинский и Артузов

Вячеслав Рудольфович Менжинский родился в Санкт-Петербурге 1 сентября (19 августа) 1874 года.

Мать В. Р. Менжинского Мария Александровна была одной из образованнейших женщин своего времени, все свободное время посвящала кружку, который объединял передовых, демократически настроенных женщин. Но в 90-е годы Мария Александровна тяжело заболела и отошла от общественной деятельности.

Весь быт семьи Менжинских был пронизан интересом к просвещению, культуре, передовым идеям эпохи. Поэтому неудивительно, что огромный интерес у мальчика вызывали Пушкин и Лермонтов, Некрасов и Крылов, о поэзии которых в семье шли непрерывные разговоры. Увлечение мальчика поэзией было настолько сильно, что «с восьми лет, – вспоминала старшая сестра, – он писал стихи, исписывая ими целые тетради. Быть писателем казалось ему тогда высшим призванием человека».

Его отец Рудольф Игнатьевич стремился дать хорошее образование сыну. В первые дни осени 1886 года перед Вячеславом Менжинским открылись двери 6-й гимназии, которая помещалась у Чернышева моста через Фонтанку. Жили в это время Менжинские в небольшой квартире в доме № 9 по Ивановской улице, в Московской части Петербурга.

Первым следствием чтения книг по естественной и гражданской истории, увлечения произведениями революционных демократов было то, что Менжинский в 16 лет перестал верить в Бога, прекратил ходить в церковь.

Весной 1893 года юноша получил аттестат зрелости. В нем утверждалось, что Вячеслав Менжинский за время пребывания в 6-й Санкт-Петербургской гимназии с первого по восьмой класс обнаружил весьма большую прилежность, показал отличные успехи и окончил ее с золотой медалью.

Педагогический совет рекомендовал В. Р. Менжинского, «отличившегося хорошим поведением и успехами в науках», для поступления в Петербургский университет, и в августе 1893 года Вячеслав Менжинский стал студентом юридического факультета Петербургского университета.

По числу обучавшихся в нем студентов юридический был самым многочисленным. На 1 января 1894 года в университете числились 2675 студентов, из них на юридическом факультете половина – 1335 человек. Подавляющее большинство студентов – вчерашние гимназисты.

Студенческие годы Вячеслава Менжинского совпали с периодом острой политической борьбы и дискуссий между либеральными народниками и марксистами.

В 1895 году В. Р. Менжинский становится пропагандистом студенческого марксистского кружка по политической экономии, тогда же он переводит на русский язык отчет об Эрфуртском съезде социал-демократической партии и принятую съездом программу.

Уже в студенческие годы Менжинский был неплохим конспиратором. Несмотря на слежку за студентами, особенно революционно настроенными, он, активный участник студенческих беспорядков, не попадает в поле зрения Охранного отделения.

В 1898 году Менжинский окончил юридический факультет.

После окончания университета Менжинский – младший кандидат на должность по судебному ведомству при Петербургском окружном суде (Кабинетная улица, дом № 14, кв. № 5), а затем помощник присяжного поверенного частной адвокатской конторы, помещавшейся в доме № 11 по Финляндской улице на Выборгской стороне.

Вячеслав Рудольфович принял решение связать свою судьбу с пролетарской партией и стать профессиональным революционером в момент, когда только что устроилась его семейная жизнь. 23 августа 1902 года он вступил в брак с двадцатилетней Юлией Ивановной Бурзи.

Через три недели, 15 сентября того же 1902 года, Петербургский комитет оформил принадлежность Менжинского к РСДРП. А вскоре Петербургский комитет направил его на работу секретарем партийного комитета Невского района, то есть на такую работу, которая поручалась профессиональным революционерам.

Активная революционная деятельность Менжинского долгое время оставалась неизвестной охранке. Он попадает в поле зрения жандармов в начале 1904 года. В жандармском списке служащих управления постройки железнодорожной линии Вологда – Вятка на 27 января 1904 года значилось: «4. Помощник правителя дел Менжинский Вячеслав Рудольфович. Знакомство ведет с лицами неблагонадежными в политическом отношении». Это первое упоминание о «неблагонадежности» Менжинского в полицейских документах.

В начале 1904 года в связи с русско-японской войной в газете «Северный край» открылся военный отдел. Заведовать этим отделом издатели пригласили Менжинского, известного в ярославских кругах широкой образованностью и знанием нескольких иностранных языков. Возможно, это приглашение было организовано большевиками, работавшими в редакции газеты. С приходом Вячеслава Менжинского в редакцию «Северного края» газета стала еще более боевой.

Во время первой парижской встречи Дзержинский и Менжинский говорили об Италии, о Капри, где Дзержинский провел несколько месяцев в 1910 году, о Горьком, с которым Феликс Эдмундович встречался довольно часто.

С целью самообразования, знакомства с английским рабочим движением Менжинский в 1912 году выезжал в Англию, где провел шесть месяцев. Начало Первой мировой войны застало Менжинского в Париже.

В августе – октябре 1917 года В. Р. Менжинский – член редколлегии газеты «Солдат». В то же время он член Всероссийского Бюро военной организации РСДРП(б).

С октября 1917 года В. Р. Менжинский – комиссар Петроградского ВРК при Министерстве финансов. Участник штурма Зимнего дворца.

С ноября 1917 года по январь 1918 года он заместитель Наркомата финансов. В марте 1918 года назначен Наркомом финансов.

В марте – апреле 1918 года – член Президиума Петроградского Совета.

В апреле – ноябре Менжинский – Генеральный консул РСФСР в Берлине.

Деятельность Генерального консула в Берлине была многогранной. Наряду с участием в торговых переговорах Менжинский защищает интересы Советского государства и российских граждан, оказавшихся в Германии. Проводить консульскую работу приходилось в крайне неблагоприятных условиях, в обстановке постоянной враждебности.

В конце октября 1918 года в Берлин проездом из Швейцарии прибыл Дзержинский – бритый, в элегантном европейском платье, совсем не похожий на того «железного Феликса» в длинной солдатской шинели, каким его привыкли видеть с Октябрьских дней в Петрограде. Он инкогнито ездил на свидание с женой, Софьей Сигизмундовной, задержавшейся в эмиграции. В Берлине Дзержинский пробыл несколько дней. В беседах с послом Иоффе и консулом Менжинским ознакомился с положением в Германии.

В декабре 1918 года Менжинский – Член Коллегии НКВД.

В январе – августе 1919 года – заместитель Наркома РКИ УССР и член коллегии Всеукраинской ЧК.

С сентября 1919 года – особоуполномоченный Особого отдела ВЧК.

В феврале – июле 1920 года – заместитель начальника, в июле 1920 года – начальник Особого отдела и член коллегии ВЧК.

Под руководством Менжинского были пресечены подрывные действия американской разведки, ликвидировано 89 крупных банд общей численностью 56 тысяч человек⁴.

Артуру Христиановичу довелось работать непосредственно с Вячеславом Рудольфовичем Менжинским. Особенно по делу «Национального центра»⁵.

Нить к раскрытию шпионской организации дал арест некоего С. В. Роменского, занимавшего должность помощника управляющего делами Военно-законодательного совета Всероссийского штаба.

Роменский был арестован чекистской засадой на квартире Алферова поздно вечером 9 октября. При обыске на его собственной квартире нашли подготовленные в дорогу чемоданы, планы Москвы и Петрограда с пометками красным и синим карандашами и переписку, из которой следовало, как говорится в протоколе обыска, «что гражданин Роменский не уверен в прочности существования советской власти». Фамилию Роменского называли в предыдущих показаниях и другие арестованные.

...Утром в кабинет Менжинского ввели стройного, подтянутого человека в военной форме. Блондин с зачесанными назад волосами и гладко выбритыми щеками, которому на вид можно было дать лет 28–30, держался спокойно и уверенно, всячески стремился подчеркнуть свою независимость и случайность задержания.

– Причины ареста не знаю, – твердо заявил он.

Из допроса выяснилось, что Роменский – юрист по образованию, до революции служил юрисконсультом Министерства торговли и промышленности в Петрограде, был секретарем Особого совещания по обороне государства, при Керенском был прикомандирован к канцелярии Военного министерства и оставался секретарем Особого совещания. После революции – на советской службе, состоит членом профсоюза музыкантов, играет на скрипке, любит музыку.

Сидевший перед Менжинским человек обладал и завидной выдержкой, и волей: он спокойно и уверенно, не дрогнув ни одним мускулом лица, отвечал на все вопросы.

Однажды Менжинскому доложили, что Роменский написал на волю записку. Ее должен был вынести из тюрьмы арестованный, который за непричастностью к делу освобождался из заключения.

В тот же день записки (их оказалось две, а не одна) были в руках следователя Особого отдела.

В первой записке, предназначенной «Елене Осиповне», Роменский писал:

«Я оторван от внешнего мира и ничего не знаю, что делается. Я никого до сих пор не выдал, несмотря на пять допросов. Упоминают имя шефа, требуют, чтобы я его назвал. Наказание: расстрел или лагерь. Ходатайство необходимо. СР, 27 октября 1919 года».

Содержание второй записки:

«Б. Харитоньевский пер., 14, кв. 2. Госпоже Баранцевой.

...Мои дела скверны, и едва ли мы увидимся. Крестник моего отца – комиссар финансов Крестинский. Может быть, вы сумели бы поговорить с ним о смягчении приговора. Всего хорошего вам, Ив. П. и Наталочке. 27 ок. 1919 г. СР».

Через несколько дней Менжинский и Артузов докладывали Дзержинскому.

– После долгого допроса Роменский наконец согласился давать чистосердечные показания на условиях, что ему будет сохранена жизнь, а его показания не будут публиковаться.

Когда было дано согласие на эти условия, тот показал, что шпионские сведения он, Роменский, получал от члена Военно-законодательного совета, бывшего генерала Маковского, а также некоего Абрамова. Миллер на допросе 12 октября также подтвердил, что Абрамов занимался шпионажем...

---

⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. – Москва: «Советская энциклопедия», 1983.

⁵ Гладков Т., Мозохин О. Менжинский – интеллигент с Лубянки. – М.: «Яуза», «Эксмо», 2005.

– Что нового показал Роменский о переходе фронта?

Артузов и Менжинский видели, что Феликс Эдмундович торопится, и постарались сжато изложить суть показаний Роменского.

– Некая Вера Ивановна Герц познакомила Роменского с мужем, Владимиром Аполлинарьевичем, который командует полком на тульском участке. Когда начался разгром организации, Роменский собрался бежать на фронт, к Деникину. Герц, знавший об организации, должен был дать Роменскому документы красноармейца и помочь перейти линию фронта.

– Пароль к Деникину?

– Наибольшую цену Роменский придает этому своему показанию. Этим, мол, я открываю вам фронт. Пароли для перехода на деникинском фронте «Дон – Кубань», а на Северном фронте – «Северная Двина – Волга...».

– Роменский сказал, конечно, не все. Но нить к этой шпионской организации в наших руках, – сделал вывод из доклада Дзержинский. – Сегодня я выезжаю в Петроград, займусь Петроградским «Тактическим центром» и шпионской сетью Поля Дюкса. Вам, Вячеслав Рудольфович и Артур Христианович, надлежит силами Особотдела выявить шпионскую сеть в Москве, Туле, Серпухове. Будьте очень осторожны, чтобы не спугнуть раньше времени. Роменского изолировать от остальных заключенных. Готовьте план операции, вернусь из Петрограда – посоветуемся. В случае необходимости действуйте самостоятельно. О ходе следствия, Вячеслав Рудольфович, информируйте ЦК.

Поздно вечером в тот же день Дзержинский выехал в Петроград.

В Москве продолжалась борьба с разведкой Деникина. Это была борьба ума и воли. Начатая в кабинетах следователей, она продолжалась в штабах и учреждениях Красной армии, где принимались срочные меры, чтобы предотвратить утечку секретных сведений.

Менжинский, Артузов, следователи проводили допросы арестованных, очные ставки, выявляли участников организации, еще находившихся на свободе после сентябрьских арестов.

Им удалось установить состав шпионской организации, выявить каналы связи и переправки шпионских донесений через фронт, удалось также выявить честных ротозеев из штабов, которые своей беспечной болтовней способствовали утечке секретных сведений.

Особому отделу стали известны общefронтовой пароль, пароль для перехода линии боевых действий на Западном и Северном фронтах, а также пароль к предателю Герцу, который занимался переправкой деникинских агентов через фронт. В отличие от фронтовых, пароль к Герцу был цифровой: «77» – пропуск – и «37» – отзыв.

Менжинскому и Артузову также стало известно, что скрывшийся от ареста член штаба Тихомиров готовит нападение на ВЧК силами роты огнеметчиков и отряда охраны Главсахара, где еще сохранились члены белогвардейской организации.

Удалось установить, что прятавшийся в Сходне генерал Стогов имеет своих людей в Серпухове, что на связи с ними состоит некий Петр Федорович, проживающий по Новинскому бульвару.

Менжинский и Артузов работали дни и ночи. В архивном деле о «Штабе добровольческой армии Московского района» сохранились документы, свидетельствующие, что Вячеслав Рудольфович работал в ВЧК даже в Октябрьские праздники девятнадцатого года. Так, 7 ноября он вновь допрашивал Роменского по поводу фронтового пароля и пароля к Герцу.

Ведя следствие по делу заговорщицкой организации, Менжинский, Артузов, другие следователи стремились доказать не только вину активных участников организации, но и невиновность людей, случайно попавших в засады на квартирах заговорщиков, или людей, оклеветанных врагами. Участники заговора, стоя одной ногой в могиле, стремились оговорить, оклеветать некоторых честных старых военспецов, твердо ставших на сторону народа. Так, они пытались оклеветать ученика и последователя Н. Е. Жуковского, преподавателя высшей математики на стрелковых курсах Соколовского.

Разбив белогвардейцев под Орлом и Воронежем, Красная армия перешла в наступление по всему Южному фронту. Успехи на Южном фронте вдохновили бойцов Красной армии под Петроградом. Войска Юденича были разбиты. Их жалкие остатки бежали в Эстонию. Шпионская сеть Поля Дюкса в Петрограде и штабе 7-й армии была разгромлена, а подпольное кадетско-буржуазное правительство арестовано.

Настала очередь полной ликвидации шпионской сети, созданной в Москве и Подмосковье агентами Деникина и интервентов. Менжинский и Артузов доложили Дзержинскому схему организации и план предстоящей операции.

План был рассмотрен, силы расставлены, и в один из зимних дней шпионы-генералы и рядовые оказались за решеткой.

Разгром «Национального центра», его военно-технической и шпионской организации, был большой заслугой Особого отдела ВЧК. Видную роль в ликвидации заговора, особенно шпионской организации заговорщиков, сыграл В. Р. Менжинский.

А. Х. Артузову довелось ряд лет работать под руководством В. Р. Менжинского, деятельность которого были весьма ощутима в ВЧК.

Менжинский и Коллегия ВЧК принимают меры к укреплению транспортных органов ВЧК.

Наступление Красной армии на Украине и в Белоруссии продолжалось. Были освобождены Киев, Минск, Вильно. Победы Красной армии способствовали революционному подъему в Польше. В конце июля в Белостоке, освобожденном Красной армией, был создан Польский революционный комитет во главе с Юлианом Мархлевским. В состав Польского ревкома вошел и Дзержинский.

Дзержинский писал, что президиум ВЧК упраздняется, что ЦК утверждена Коллегия ВЧК в составе 12 человек. В состав вошли Ф. Э. Дзержинский, И. К. Ксенофонтов, Я. Х. Петерс, В. А. Аванесов, М. С. Кедров, М. Я. Лацис, В. Р. Менжинский и другие.

30 июля 1926 года Вячеслав Рудольфович Менжинский был назначен Председателем ОГПУ и оставался на этом посту до конца своей жизни.

В. Р. Менжинский оставил след в истории Российского государства и как общественный деятель. Он член ЦК ВКП(б) с 1927 года, член ВЦИК СССР. Деятельность Менжинского была достойно оценена: он был награжден в 1924 году орденом Красного Знамени.

Помимо прочего, Менжинский сыграл активную роль в операциях по поимке Б. В. Савинкова и агента английской разведки С. Рейли, о чем будет рассказано далее.

Глава 4. Беспощадная борьба с контрреволюцией

Весной 1918 года сложная и опасная обстановка стала складываться в Северных районах республики, особенно в Архангельске и Мурманске. Советское правительство четко осознавало, что именно здесь следует в первую очередь ожидать интервенции со стороны бывших союзников России. Антанта рассматривала север как удобный плацдарм для продвижения вглубь страны. К тому же морские коммуникации, связывающие Мурманск и Архангельск с европейскими портами, позволяли интервентам, особенно англичанам с их сильнейшим тогда в мире флотом, легко перебрасывать сюда и войска, и боевую технику.

К началу июля в Мурманске под командованием английского генерал-майора Ф. Пуля находилось уже около 8 тысяч солдат и офицеров. Позднее их количество возросло до 16–17 тысяч, к тому же к интервентам присоединилось до 5 тысяч белогвардейцев.

Перед молодым Советским государством встали новые непростые задачи.

Для обследования положения в Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской и Иваново-Вознесенской губерниях, относящихся к русскому Северу, принятия надлежащих мер, в первую очередь разгрузки Архангельского порта, Совнарком решил послать в те края специальную Советскую ревизию народного комиссара М. С. Кедрова с широкими полномочиями. Соответствующий мандат за подписью Ленина был вручен Кедрову 23 мая. В Ревизию входили сорок сотрудников и команда из тридцати трех латышских стрелков для охраны. Артур Фраучи был назначен секретарем Ревизии.

Шли боевые действия на Северном фронте. Был образован штаб фронта, в котором Артур Артузов стал начальником инженерного отдела. В обязанности Артузова и его сотрудников входили инженерное обеспечение войск, организация диверсий во вражеском тылу и т. п., быть может, потому Артузову и пришлось заниматься и контрразведывательными делами. Постепенно именно эта работа стала для него самой интересной, а затем и главной.

В 1918 году в жизни Артузова произошло еще одно важное событие. 10 августа он женился. Его избранницей стала подруга сестры Евгении – учительница Лидия Дмитриевна Слугина.

В 1918 году ВЧК разгромила многие контрреволюционные организации, но самая разветвленная и опасная из них – белогвардейско-кадетский «Национальный центр» – уцелела, хотя и понесла серьезные потери.

Операция ВЧК по его ликвидации началась летом 1919 года в районе Петрограда. Она потребовала мобилизации всех сил чекистского аппарата, привлечения воинских подразделений и вооруженных рабочих отрядов. Главным руководителем операции был Феликс Дзержинский. Вместе с другими чекистами принял в ней участие и Артузов.

Артузов обдумывал материалы, полученные от Вячеслава Рудольфовича, в которых речь шла о заговоре.

В начале июля 1919 года на Лужском направлении красноармейский разъезд в перестрелке убил лазутчика, явно пробиравшегося в стан Юденича. При нем нашли документы на имя офицера Александра Никитенко. Раз сопротивлялся, значит, было ради чего. Тщательно обыскали убитого – в мундштуке в папиресе обнаружили крохотный листок. Из текста стало ясно: участники крупной контрреволюционной организации в Петрограде искали связь с белогвардейским командованием. В записке говорилось: *«Генералу Родзянко или полковнику С. При вступлении в Петроградскую губернию вверенных вам войск могут выйти ошибки, и тогда пострадают лица, секретно оказывающие нам весьма большую пользу. Во избежание подобных ошибок просим вас, не найдете ли возможным выработать свой пароль. Предлагается следующее: кто в какой-либо форме или фразе скажет слова "во что бы то ни стало" и "Вик" и в то же время дотронется рукой до правого уха, тот будет известен нам...»*.

Для контрразведчиков этот листочек послужил своего рода ниточкой, ведущей к руководителям заговора. Были раскрыты отдельные его звенья. Но глубоко законспирированное ядро еще предстояло выявить.

Вскоре ВЧК получила новые данные о зреющем заговоре. 14 июля 1919 года в районе Белоострова при попытке уйти на финскую территорию были задержаны некто Самойлов и Боровой-Федотов. У них нашли письмо-донесение о дислокации частей 7-й армии, наличии на складах боеприпасов и действиях в Петрограде трех контрреволюционных организаций. Письмо-донесение подписал таинственный ВИК. Кстати, и на листочке, найденном у Ники-тенко, стояла эта же подпись. Задержанные также признались, что письмо-донесение им вручил для передачи в штаб Юденича Вильгельм Иванович Штейнингер, владелец известной фирмы «Фосс и Штейнингер». Чекисты арестовали его – он и оказался ВИКом⁶. При обыске у него нашли контрреволюционные воззвания, депеши из штаба Юденича.

В начале августа последовали новые аресты: в руках Петроградских контрразведчиков оказались барон Штромберг, князья Андронников, Оболенский и другие. Все они входили в «Национальный центр» Петрограда. У них был найден отчет московского отделения Центра. Но прямое свидетельство, что в Москве действует такая контрреволюционная организация, было получено чуть позже – в конце июля.

В Вятской губернии милиция задержала подозрительного человека, назвавшегося Николаем Карасенко, в мешке у которого обнаружили... миллион рублей. Задержанный оказался офицером разведывательного отдела штаба Колчака Николаем Крашенинниковым. Деньги он вез для московского отделения «Национального центра». (В общей сложности разными путями и в разное время для нужд «Национального центра» намечалось переправить 25 миллионов рублей.) Арестованный вместе с деньгами был препровожден в Москву. Из тюрьмы Крашенинников пытался передать на волю две записки, которые были перехвачены.

В одной из них он сообщал: «Я спутник Василия Васильевича, арестован и нахожусь здесь...». Во второй – просил заготовить ему документы и сообщить, «не арестован ли ННЦ?»⁷.

Естественно, контрразведчики должны были выяснить, кто скрывается за этими инициалами.

Из обширной информации, полученной от Менжинского, Артузов понял, что в Москве действует законспирированная контрреволюционная организация, чрезвычайно опасная. Его осенила догадка: только ли с Юденичем она связана напрямую? Не на связь ли с «Национальным центром» шел захваченный в Вятской губернии колчаковский курьер? У него нашли таинственные листочки, похоже, с шифрованным текстом. Ими уже занимался старый специалист по шифрам, много лет прослуживший в соответствующем отделе старого Генштаба. Удастся ли ему достаточно быстро разгадать шифровку? Шифровку разгадали. Из нее следовало, что Туле угрожает не Колчак, а Деникин. Выходит, заговорщики в Москве по приказу, полученному через колчаковского курьера, должны были оказать своей подрывной деятельностью, вплоть до восстания, содействие Деникину. Но кому адресован этот приказ? Курьер, помнится, на допросе говорил, что зашифрованный листок должен передать Коке. Арест помешал ему доставить приказ адресату, точнее, адресат должен найти его сам в условленном месте. Теперь там – чекистская засада. Но пока от нее не поступало никаких известий. Адресат не объявлялся.

Менжинский сказал Артузову: «Деникин до зимы торопится взять Москву. Уже и "Приказ № 1", и "Воззвание к населению Москвы" подготовил. По данным, которыми я располагаю, мятеж против советской власти может разразиться в ближайшие недели. Мы должны предупредить врага».

---

⁶ «ВИК» – инициалы Василия Ивановича Каменева – псевдоним В. И. Штейнингера.

⁷ Гладков Т. Награда за верность – казнь. – Москва: «Центрполиграф», 2000.

К Артузову стекались многие данные, относящиеся к «Национальному центру». Хотя они и были весьма разрозненными, но даже по ним можно было представить масштабы и цели заговора, а также тех, кто стоял во главе его. Прежде всего это загадочный ННЩ.

На допросе, проведенном членом коллегии ВЧК Варлаамом Александровичем Аванесовым, Крашенинников показал, что деньги он вез для нужд «Национального центра» и должен был передать неизвестному ему ННЩ и что в ближайшее время этому Центру от Колчака будут переправлены новые миллионы.

Таким образом, в руках ВЧК оказались три нити: расшифрованная инструкция Деникина о приблизительных сроках восстания, подтвержденная Крашенинниковым версия, что в Москве существует разветвленная контрреволюционная организация «Национальный центр», наконец, допущение, что один из ее руководителей – некий ННЩ.

Одна учительница пришла к Дзержинскому и поделилась с ним подозрениями в отношении директора школы номер 76 – некоего Алферова Алексея Даниловича. Дзержинский дал распоряжение понаблюдать за Алферовым. Вскоре поступили сведения, что директор школы ведет странный образ жизни и на его квартире собираются подозрительные люди – и штатские, и военные. Он поддерживает связи с бывшим крупным деятелем партии кадетов и депутатом Государственной Думы Николаем Николаевичем Щепкиным, лояльность которого к советской власти была весьма сомнительна.

Артузову пришла на ум мысль сопоставить псевдоним Кока с именем Николай. А ННЩ? Не начальные ли это буквы имени, отчества и фамилии? Если так, то ННЩ, выходит, Николай Николаевич Щепкин?

Догадка подтвердилась: Крашенинников, после того как его записки, отправленные из тюрьмы через подкупленного караульного, оказались в Особом отделе, признался, что он пытался наладить связь именно с Щепкиным, которому раньше уже был доставлен миллион рублей от Колчака другим курьером.

Следовало немедленно арестовать Щепкина. Руководить арестом Щепкина поручили заместителю начальника Особого отдела Ивану Петровичу Павлуновскому. Тем не менее Дзержинский решил лично участвовать в операции. Ленин, получив накануне доклад Павлуновского по делу «Национального центра», написал Дзержинскому: «...На эту операцию... надо обратить сугубое внимание. Быстро и энергично, и пошлере надо захватить»⁸.

Арест Щепкина и обыск в его квартире стали кульминацией в разгроме «Национального центра». Кроме «Национального центра» в Москве существовали еще две крупные контрреволюционные организации: Союз возрождения России и Совет общественных деятелей. Они-то и объединились в Тактический центр. Программа Тактического центра носила компромиссный характер. Но все входящие в него организации стремились к тому, чтобы на данном этапе в России установить единоличную власть военного диктатора для наведения в стране «порядка» и разрешения всех экономических и социальных проблем на основе восстановления священного права частной собственности.

В Тактический центр входили: от Союза возрождения России – бывший редактор журнала «Голос минувшего» профессор С. П. Мельгунов, от Союза общественных деятелей – бывшие товарищи (заместители) министра внутренних дел Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев, от «Национального центра» – Н. Н. Щепкин, О. П. Герасимов и князь С. Е. Трубецкой.

При Тактическом центре была образована особая военная комиссия для связи с подпольными военными группами, которые контрразведчикам еще предстояло раскрыть, причем в кратчайшие сроки.

---

⁸ Там же.

В области внешней политики программа Тактического центра была проста: не допускать никаких соглашений иностранных держав с РСФСР, просить Атланту оказать материальную и вооруженную помощь белым армиям.

Во время обыска у Щепкина чекисты нашли в тайнике обыкновенную консервную банку. Банку вскрыли, внутри – тонко скрученные листочки, плотные картонки. Артузов быстро просмотрел узенькие полоски бумаги, исписанные мелким почерком. Один из листочков Артузов положил перед Дзержинским:

– Прочтите, Феликс Эдмундович.

Дзержинский взял листок, и брови его гневно сдвинулись, обозначив у переносья глубокую, словно шрам, морщину.

– Что ж, товарищ Артузов, все ясно. Оформляйте протокол. Щепкина – арестовать.

Председатель ВЧК рывком запахнул длинную кавалерийскую шинель и, не взглянув на затрясшегося домовладельца, вышел из кабинета.

Дзержинскому было от чего выйти из себя: в его присутствии чекисты перехватили адресованное Деникину, только что принятое постановление Реввоенсовета республики о сосредоточении фронтовых резервов в районе Тулы. Постановление было секретным, напечатано накануне, а уже нынешней ночью оказалось в квартире Щепкина! Через день-два этот документ уже изучали бы деникинские штабисты, а там не заставила бы себя ждать и большая беда. Чего только не было в жестянке: изложение плана действий Красной армии в районе Саратова, список ее номерных дивизий, подробное описание Тульского укрепрайона, сведения об артиллерии одной из армий, о фронтовых базовых складах. И записка с таким текстом:

«Начальнику штаба любого отряда прифронтовой полосы. Прошу в срочном порядке протелеграфировать это донесение в штаб верховного разведывательного отделения... полковнику Хартулари». (Экспертиза впоследствии установила, что депеши были написаны Щепкиным).

У Щепкина была найдена и фотопленка. На ней – переснятые письма Н. И. Астрова, В. С. Степанова, князя П. Д. Долгорукова – деятелей кадетской партии, окопавшихся в штабе Деникина. В одном из писем говорилось: «Пришло длинное письмо дяди Коки, замечательно интересное и с чрезвычайно ценными сведениями, которые уже использованы... Наше командование, ознакомившись с сообщенными вами известиями, оценивает их очень благоприятно, они раньше нас прочитали ваши известия и весьма довольны».

Стало ясно, кто такой Николай Николаевич Щепкин? Он Кока, ННЩ.

А в одном из писем, изъятых у Щепкина, говорилось: «Передайте Колчаку через Стокгольм: Москвин прибыл в Москву с первой партией груза (имеется в виду колчаковский агент, доставивший ННЩ первую денежную посылку. – Т. Г.), остальных нет. Без денег работать трудно. Оружие и патроны дороги. Политические группы, кроме части меньшевиков и почти всех эсеров, работают в полном согласии. Часть эсеров с нами. Живем в страшной тревоге, начались бои у Деникина, опасаемся его слабости и повторения истории с Колчаком... Настроение у населения в Москве вполне благоприятное... Ваши лозунги должны быть: "Долой Гражданскую войну!", "Долой коммунистов!" "Свободная торговля и частная собственность!" О Советах умалчивайте... В Петрограде наши гнезда разорены, связь потеряна»⁹.

Во время обычной облавы на Мальцевском рынке в Петрограде милиционеры задержали девочку лет пятнадцати. Она попыталась выбросить револьвер. Естественно, милицию заинтересовало, откуда у нее оружие и для чего? Задержанная оказалась девицей не слишком умной, но весьма экзальтированной. Жоржетта, так ее звали, выложила следователю целый ворох несуразиц. Начала она с того, что револьвер нашла, а закончила тем, что позаимствовала

---

⁹ Там же.

его у папы, чтобы отомстить некоему Полю, или Павлу Ивановичу, за то, что он не отвечает ей взаимностью.

Вся эта чепуха не произвела на чекистов никакого впечатления, кроме... ссылки на папу. Папой Жоржетты оказался бывший французский гражданин, преподаватель французского языка в средней школе, некто Илья Романович Кюрц. Было установлено, что в прошлом Кюрц служил агентом в царской разведке. Однако еще при старом режиме его по весьма основательному подозрению в «двойной игре» от серьезных и секретных дел отстранили. Сомнительные связи Кюрца вынудили чекистов принять решение тщательно осмотреть его квартиру. При обыске в тайнике был обнаружен архив со шпионскими донесениями и адресами явок. На допросе Кюрц сознался, что он принимал активное участие в белогвардейском заговоре, целью которого было поднять мятеж в Петрограде накануне вторжения в город войск генерала Юденича, к тому же Кюрц работал на офицера английской разведки Поля Дюкса, имевшего несколько кличек. Где находился Дюкс в настоящее время, Кюрц не знал, но назвал одну из конспиративных квартир, которой пользовался матерый английский шпион. (Позднее было установлено, что Дюкс уже зимой покинул Петроград: будучи превосходным спортсменом, перешел Финский залив на дырявой лодке.)

В качестве хозяйки квартиры Дюкса Кюрц назвал Надежду Владимировну Петровскую. В июне 1919 года она уже привлекалась чекистами по делу Штенингера. Однако тогда доказать ее активное участие в контрреволюционном заговоре не удалось. К тому же не верилось, чтобы Петровская, в свое время оказывавшая содействие петербургскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса, перешла на сторону контрреволюции.

Артузов допрашивал в Москве Петровскую. В результате Петровская помогла задержать члена коллегии Главтопа, профессора Николая Николаевича Виноградского, опознав его на бульваре Чистые пруды. Виноградский назвал фамилию одного из руководителей Совета общественных деятелей и Тактического центра – Сергея Михайловича Леонтьева. Затем Виноградский сознался, что был связан с резидентом английской разведки Дюксом.

На очередном допросе арестованный рассказал о записке, в которой давалась подробная характеристика различных сторон государственной и общественной жизни Советской республики, составленной Центром для информации стран Антанты, а также о встречах руководителей организации с приезжавшим нелегально в Москву начальником деникинской разведки полковником В. Д. Хартулари и с другими Белогвардейскими эмиссарами.

Сентябрь 1919 года. Щепкин арестован, но Алферов еще оставался на свободе.

Контрразведчики уже знали, что существует штаб Добровольческой армии Московского района. Предстояло выяснить, кто им руководит. Время подгоняло. До назначенного срока вооруженного мятежа оставались, возможно, считанные дни. Тула, правда, не была взята Деникиным, но положение было по-прежнему серьезным.

Лишь самые доверенные лица знали, что именно Ступин вместе с бывшим генерал-лейтенантом Николаем Николаевичем Стоговым стоит во главе штаба Добровольческой армии Московского района. И уж совсем единицам было известно, что бывший начальник Ступина – руководитель оперативного отдела Всеглавштаба, бывший генерал С. А. Кузнецов — и есть тот самый человек, который снабжал Деникина и Колчака особо ценными секретными документами. Однако собравшиеся не знали, что Кузнецов арестован чекистами.

– Прошу прощения господ, опоздал по уважительным причинам, – раздеваясь, произнес Ступин. Пригладив редющие на макушке волосы, он занял свободное место, хорошо освещенное лампой.

– Господа, если не возражаете, я вкратце обрисую создавшуюся обстановку, – начал Алферов разговор. – Некоторые наши товарищи заметили по косвенным признакам, что за ними ведется слежка. Следовательно...

– Следовательно, – подхватил мысль хозяина квартиры Ступин, – это означает, что ЧК напала на след организации и нам не избежать арестов.

– Каков же выход из положения? – спросил Алферов.

– Выход один – форсировать подготовку восстания. Я кое-чему научился на службе у большевиков.

Слова Ступина были созвучны мыслям каждого, сидевшего за этим столом. И Алферов, и Миллер, и Сучков видели в бывшем подполковнике опору организации, ее надежду. Словно почувствовав это, Ступин с еще большим жаром принялся излагать военный план:

– Обстановка вынуждает нас выступить без промедления. Запомните – срок выступления 21–22 сентября.

Ступин вынул из кармана френча сложенную карту, разложил перед собой:

– Господа мне было поручено разработать план захвата Москвы. Я вам его доложу. Доложу без уточняющих деталей, поверьте на слово: план разработан на основе выношенного опыта, с учетом требований тактики и стратегического замысла генерала Деникина. Реввоенсовет и ЧК, конечно же, будут отвлечены главным – не сдать Москву. Все, кто способен держать оружие, уйдут на фронт. Понятно, что в такой момент легче всего овладеть столицей.

Обведя присутствующих близорукими глазами, Ступин замолчал. Он ждал, что последует вопрос о точном времени мятежа. Но всем было предельно ясно. Офицеры молча одобрили план восстания.

– Начать предлагаю в восемнадцать ноль-ноль, – сказал Ступин.

– Почему в восемнадцать? – засомневался кто-то. – Ведь недаром говорится, что утро вечера мудренее.

– Только в восемнадцать, – настаивал на своем Ступин. – Ночь должна стать нашей союзницей. Выступление планирую начать одновременно в городе и за его пределами. Восстания в Вишняках, Волоколамске и Кунцеве должны сыграть вспомогательную роль, они отвлекут силы красных из столицы. Москву я разделил на два боевых сектора. Сходящимися ударами сил двух секторов мы должны сломить разрозненное сопротивление красных войск, укрепиться на линии Садового кольца и повести оттуда наступление на центр города. Первоочередная цель – захват почты, телеграфа, правительственных зданий. Затем последует штурм Кремля. Конечная цель – арест Ленина и комиссаров.

Центр восточного сектора – Лефортово. Его силами командует Василий Александрович Миллер. Западный сектор – в подчинении полковника Талыпина. Сергей Иванович в первую очередь должен позаботиться о захвате радиостанции на Ходынке, чтобы возвестить всему миру о падении советской власти в Кремле.

Ядро наших сил, господа, – это восемьсот кадровых офицеров. Кроме того, мы можем рассчитывать на некоторые войсковые части и курсантов. Оружия достаточно, оно хранится в трех военных школах, находящихся под нашим контролем, а также в тайниках, разбросанных по всему городу.

– У меня все, господа.

Вопросов больше не последовало. Алферов поднялся со стула и на правах хозяина провозгласил тост:

– За удачу, за полное осуществление этого плана, за доблестного полковника Ступина, его автора!

Гости Алферова по одному покидали квартиру, уверенные в своей удаче. Они не могли знать, что в ЧК в эти часы вырабатывается контрплан, основные идеи которого были предложены Дзержинским.

Ночью супруги Алферовы были арестованы.

25 ноября 1919 г. ВЧК опубликовала сообщение о ликвидации контрреволюционного заговора в Петрограде:

«Усилиями Петроградской Чрезвычайной комиссии, особого отдела ВЧК и особого отдела Н-ской армии в Петрограде раскрыт крупный белогвардейский шпионский заговор, в котором принимали участие крупные сановники царского режима, некоторые генералы, адмиралы, члены партии кадетов, «Национального центра», а также лица, близкие к партии эсеров и меньшевиков.

Вся деятельность заговорщиков протекала под бдительным наблюдением агентов Антанты, главным образом английских и французских, которые руководили всем делом шпионажа, финансировали заговор и держали в своих руках нити его»¹⁰.

Организация имела связь во всех штабах, систематически снабжала Юденича сведениями военно-оперативного характера. С помощью бывшего начальника штаба Н-ской армии, полковника генерального штаба Люндеквиста, разработала и послала Юденичу план общего наступления на Петроград.

При первой неудаче Юденича под Детским Селом начальник оперативной части Балтийского флота, бывший начальник оперативного отдела Н-ской армии и генерального штаба полковник Медиокрицкий разработал и послал Юденичу план повторного наступления Юденича, которым должно было поправить положение. В то же время под руководством Люндеквиста и бывшего адмирала Бахирева организацией был разработан план восстания в Петрограде, которое должно было начаться в момент подхода войск Юденича к окраинам города.

Политической частью организации было сформировано новое правительство, которое должно было в момент занятия северо-западное правительство. В состав нового правительства должны были войти: председатель – профессор Быков, министр финансов – бывший товарищ министра при Николае II сенатор Вебер, министр путей сообщения – инженер Альбрехт, по вероисповедным делам – бывший товарищ министра при Керенском Карташов, министр народного просвещения – бывший попечитель Петроградского округа Воронов, морской министр – адмирал Развозов и его заместитель – адмирал Бахирев.

В сообщении также указывалось, что все главы шпионской белогвардейской организации, а также все поименованные «министры», за исключением находящегося за границей Карташова, арестованы.

В опубликованных материалах¹¹ о раскрытом в Петрограде заговоре упоминается английский агент Поль Дюкс, связанный с влиятельными эмигрантами и с руководителями «Национального центра», финансировавший заговор и участвовавший в подборе членов белогвардейского правительства. Это именно Поль Дюкс выступил в «Таймс» с целой серией больших статей о Советской России. «Как раз в тот момент, когда Антанта направляла Юденича на Петроград, в «Таймс» и других английских газетах того же направления началась новая бешеная кампания против Советской России и поднялась новая волна лжи и клеветы. Главное место в этой кампании занял Поль Дюкс. Его, как якобы действительного знатока России, «Тайме» противопоставила профессору Гуду и депутату Малону. Характерно для Поля Дюкса то, что он разыграл из себя якобы рабочего, тредюниониста, сочувствующего идеалу Ленина, любящего русские трудящиеся массы, долго среди них вращавшегося и знавшего их насквозь. Эта лживая маска способствовала влиянию его статей на наивных читателей. Поль Дюкс якобы все время жил как рабочий среди рабочих, поступил в Красную армию, находился в ней как рядовой красноармеец среди других красноармейцев и якобы знает насквозь все, что думает русский рабочий класс. Он якобы отправился в Советскую Россию, для того чтобы изучить на месте новый строй в самой гуще народной жизни. Он рассказывает подробно, как он, человек, долго живший в России и отлично владеющий русским языком, переодетый русским крестьянином,

---

¹⁰ «Известия ВЦИК», № 264(816), 25 ноября 1919 г.

¹¹ «Известия ВЦИК», № 267(819), 28 ноября 1919 г. // Сообщение отдела печати Народного комиссариата иностранных дел Об английском шпионе Дюксе.

перебрался ночью через реку, составляющую границу между Россией и Финляндией, и под видом крестьянина беспрепятственно дошел до Петрограда, где легко устроился на работу.

Крайне коварно составленные, его статьи тем более могут действовать на легковерного читателя, что Поль Дюкс избегает в них тех крайностей чудовищной лжи, которой западный читатель перестал верить. Он не говорит ни о национализации женщин, ни о горах трупов на улицах городов, он не рисует ужасающих картин фантастических пыток в подвалах чрезвычайек – он старается ближе держаться к обыденной жизни, причем вся серия его статей имеет целью доказать, что коммунизм пользуется всеобщей ненавистью, что в Петрограде жаждут прихода Юденича, что вся Москва жаждет прихода Деникина, что белогвардейские лидеры являются народными героями и что весь русский народ жаждет, чтобы его покорила Англия. Все это он иллюстрирует якобы слышанными им разговорами с отлично подделанными народными прибаутками. Именно тем он содействует впечатлению от своих статей, что сам прикидывается объективным наблюдателем, безобидным человеком без задних мыслей.

Из опубликованных материалов мы теперь знаем, кто такой на самом деле Поль Дюкс. Агент английского правительства, способствовавший назначениям членов контрреволюционного правительства, вращавшийся в самой аристократической среде контрреволюции и сыпавший громадными суммами»¹².

«Ловкий антантовский агент сумел на страницах, "Таймс" прикинуться простачком, между тем как имеющиеся в наших руках материалы сорвали с него маску, – говорилось в этом документе. – Перед нами один из самых активных и злостных руководителей подпольных заговоров и контрреволюционных наступлений на Советскую Россию. Надо надеяться, что этот поучительный случай поможет западному читателю меньше верить тем якобы рабочим и якобы тред-юнионистам, которых мировая реакция выдвигает вперед в своей кампании лжи и клеветы», – говорилось в сообщении отдела печати Народного комиссариата иностранных дел.

---

¹² Цит. по кн.: Кошель П. А. История сыска в России. Кн. 2. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/koshel/14.php.

В борьбе с врагами молодого государства

Глава 5. Документы ВЧК

История все полнее раскрывает коварную роль российской и иностранной буржуазии, не гнушавшейся никакими средствами, для того чтобы задушить советскую власть и вернуть себе господствующее положение.

Сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания русская буржуазия встала на путь развертывания кровопролитной борьбы, на путь террора и заговоров. Уже 27 октября, т. е. на третий день после победы вооруженного восстания в Петрограде, бывший глава Временного правительства Керенский собрал в районе Северного флота казачьи части под командованием генерала Краснова и двинул их на столицу. При активном содействии английских и немецких империалистов генерал Каледин поднял антисоветский мятеж и создал на Дону контрреволюционное областное «правительство». На Украине центром контрреволюционного восстания против советской власти являлась буржуазно-националистическая Центральная Рада. В Белоруссии контрреволюционеры организовали антисоветское выступление польского корпуса под командованием монархиста генерала Довбур-Мусницкого. По указанию военных миссий США Англии и Франции Белорусская рада формировала полки для борьбы против Советской России.

На востоке, в оренбургских степях, против советской власти поднял мятеж ставленник английского империализма атаман Дутов. В Средней Азии агенты американского и английского империализма разжигали гражданскую войну. В центре страны свергнутые эксплуататорские классы, реакционная часть офицерства и чиновников царского государственного аппарата, кулачество, разного рода буржуазные националисты и иные враги социалистического строя предпринимали все возможное для свержения советской власти. Они организовывали и осуществляли заговоры, саботаж, террористические акты, диверсии и т. п.

Создавалась исключительно сложная и тяжелая обстановка. В этих условиях молодая Советская республика должна была организовать ответные меры борьбы с контрреволюцией. Необходимо было создать вооруженные силы, а также специальные органы, способные твердо и решительно поддерживать революционный порядок, своевременно обнаруживать и пресекать вражеские вылазки.

Чрезвычайные комиссии в первоначальный период своей деятельности, не имевшие опыта разведывательной и контрразведывательной работы, успешно справлялись с серьезными и ответственными задачами по борьбе с контрреволюцией. Эти успехи в значительной степени явились результатом неразрывной связи чекистов с широкими массами трудящихся. В борьбе с контрреволюцией ВЧК постоянно опиралась на самостоятельность и активность революционных рабочих, указывающих на след контрреволюционеров.

Органы чрезвычайных комиссий вели борьбу с контрреволюцией на основе строго соблюдения революционной законности. Основным правовым документом, определявшим деятельность всех органов чрезвычайных комиссий, явилось постановление СНК от 20 декабря 1917 года, на основе которого было выработано «Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях», утвержденное ВЦИК 28 октября 1918 года.

Важное значение имела написанная Ф. Э. Дзержинским в апреле 1918 года инструкция о производстве обысков и арестов, в которой говорилось о необходимости чуткого отношения к людям, даже если они подозреваются в преступлениях.

В записке И. С. Уншлихту Ф. Э. Дзержинский подчеркивал, что *«лучше в 1000 раз ошибиться в сторону либеральную, чем послать неактивного в ссылку, откуда он сам вернется, наверное, активным, а его осуждение сразу будет мобилизовано против нас»*¹³.

Документы показывают, как осторожно органы ВЧК подходили к привлечению граждан к уголовной ответственности, с какой тщательностью проверяли каждый факт. Так, например, в приказе о карательной политике органов ЧК подчеркивалось, что нельзя производить аресты по подозрению или по социальному положению людей.

Инструкция для производящих обыск и записка о вторжении в частные квартиры и содержание под стражей¹⁴.

(Не ранее марта 1918 г.)

Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовало добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача, пользуясь этим злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишит человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель советской власти рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость – пятно, которое ложится на эту власть.

---

¹³ В конце февраля 1918 года Ф. Э. Дзержинскому стало известно, что один из работников ВЧК допустил грубое обращение с арестованным. Дзержинский лично провел расследование по этому делу. На протоколе допроса от 11 марта имеется пометка Дзержинского: «Комиссия рассмотрела и решила сделать самые энергичные внушения виновным и в будущем предавать суду всякого, позволившего дотронуться до арестованного. Ф. Дзержинский».

¹⁴ Исторический архив. – Москва: Госполитиздат, 1958. № 1. С. 5–6.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.